

ВІДЪ ИМЕНА ГОСПОДИ БОГА
 ЦАРИ И ПРАВИТЕЛЯ

Въсломъ льбоуь, не юнисаннѣи кре
 дѣнѣ мужь йже не
 иде настѣпч. нечестивѣ,
 и налѣтѣ ерѣшнѣ нестѣ,
 и наслѣдѣщи ѡбѣтѣ

необѣде. Повзаконѣтѣ
 вола егѣ, и взаконѣ егѣ поучи
 тѣ днѣ и пѣтѣ. Не оудѣтѣ йкѣ дрѣ
 вѣ сажѣтѣ присхоуащѣхѣ вѣ дѣ
 еке паодѣ снок дѣст вѣтѣ
 еков. И дѣстѣ ерѣшнѣ не падѣтѣ
 йкѣ вѣнка ише тѣвѣрѣтѣ оуѣтѣ
 не такѣ нечестивѣи не такѣ поучѣтѣ

Псалтирь на бересте XIX в., л. 9, об. 10 (БАН I. I. 45)

*Игумен МАКАРИЙ (Веретенников),
кандидат богословия (Москва)*

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ КАК ИСТОЧНИК РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ (К постановке вопроса)

В последнее время стал известен принципиально новый, чрезвычайно интересный источник русской истории. Это так называемые берестяные грамоты, впервые обнаруженные в Новгороде, т. е. кора русской березы с выдавленными, процарапанными на ней острым предметом текстами. Авторами таких берестяных грамот-посланий были русские люди самого различного положения.

С самого начала открытия (Новгород, 26.VI. 1951) берестяные письма привлекли к себе весьма пристальное внимание ученых различных специальностей и получили высокую оценку. Приведем некоторые высказывания по этому поводу. Первые издатели грамот — А. Арциховский и М. Тихомиров — отметили: «Грамоты на бересте, найденные в Новгороде, являются уникальным памятником русской письменности»¹. Академик Л. В. Черепнин справедливо сказал: «Берестяные грамоты по-настоящему завоевали право гражданства в исторической науке»². Д. А. Андусин о грамотах говорит: «Их дата — XI—XV вв., то есть они почти смыкаются по времени с древнейшей русской надписью и лишь на сто лет не доходят до книгопечатания. Впрочем, на бересте, видимо, начали писать в X в., так как древнейшие писала найдены в новгородских слоях этого столетия; может быть, грамоты на березовой коре дожили до печатных книг, но мы их не знаем, так как в новгородских слоях XVI в. береста не сохраняется. Важность берестяных грамот в том, что они освещают и те стороны жизни новгородцев, о которых молчат письменные документы»³. В. Л. Янин отмечает как важный фактор в сохранности текстов берестяных свитков своеобразие их начертания: «Процарапанность оказалась важнейшим свойством, предохранившим навеки тексты грамот от уничтожения. С письмами и записками в древности обращались не лучше, чем сейчас. Их рвали и бросали на землю. Их затапывали в грязь. Ими по прочтении растапывали печи. Но от брошенного в грязь современного бумажного письма уже спустя самый короткий срок не останется и следа, а процарапанное берестяное письмо, однажды попав в грязь, в благоприятных условиях пролежит в полной сохранности многие столетия»⁴. Так оно и есть по существу, так как самые «молодые» грамоты насчитывают более 400 лет.

Топография находок берестяных грамот со временем расширилась. Археологи обнаруживают их теперь не только в Новгороде, но и в Старой Руссе, Смоленске, Полоцке, Пекове. Известны обрывки надписей на бересте из Чебоксар первой половины XV в.⁵ Но наиболее богат находками крупный культурный центр Древней Руси — Великий Новгород. В 1981 г., в тридцатилетний юбилей их открытия, насчитывалось в начале археологического сезона 587 грамот⁶, а к концу — 594⁷.

Открытие и изучение берестяных грамот способствовало обращению должного внимания на давно имевшиеся различные свидетельства об их существовании. Самое раннее такое упоминание относится к древнерусскому каноническому памятнику

ку первой половины XII в. «Вопросы Кирика, Саввы и Илиа, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц». В нем можно прочитать: «Несть ли в том греха, аже по грамотам ходити ногами? — Аже кто изрезав помететь, а слова будут знати?»⁸. Я. Н. Шапов, обративший внимание на этот памятник, говорит: «Наблюдательный Кирик счел нужным обратиться к владыке с таким вопросом, несомненно, под влиянием тех явлений, с которыми ему приходилось сталкиваться. Очевидно, он видел, как новгородцы, изрезав «метали» на землю «грамоты», а затем ходили по ним. Что это могли быть за «грамоты»? Есть все основания думать, что здесь Кирик имеет в виду не что иное, как ставшие нам теперь хорошо известными берестяные грамоты»⁹. Прослеживая историю данного канонического памятника в рукописной традиции, тот же автор попутно замечает и о времени выхода из употребления писчего материала из березы: «Известно, что берестяные грамоты встречаются в новгородском культурном слое не выше 3-го яруса, т. е. не позже конца XV в. Является ли случайностью, что в переработках «Вопрошания», относящихся к концу XV—XVII в., вопроса Кирика о грамотах нет? Очевидно, отсутствие грамот в верхних ярусах объясняется не только плохой сохранностью дерева, но и тем, что к этому времени бумага в значительной степени вытеснила бересту. Тем самым отпала и необходимость в сохранении связанного с берестой вопроса: сырые куски бумаги на улицах Новгорода уже не вызывали недоумения — прочитать их было невозможно»¹⁰.

Об употреблении этой необычной для нас писчей «бумаги» упоминает преподобный Иосиф, игумен Волоколамский († 1515). Отмечая бедность Троицкого монастыря при его основателе — преподобном Сергии Радонежском († 1392), он говорит: «Толку же нищету и нестяжанье имеаху, яко во обители блаженнаго Сергия, и самая книги не на хартиях писаху, но на берестех»¹¹. Осужденному при императрице Екатерине II Ростовскому митрополиту Арсеню Мацневичу предписывалось не давать писчего материала, ни бумаги, ни бересты¹². Поздняя старообрядческая книжность также знает примеры использования коры русской березы для книг¹³. Один автор припоминает, как в детстве, в начале 900-х годов, в Твери (теперь Калинин) видел обрывки бересты с надписями в земле из вырытого котлована¹⁴.

Крупнейший русский палеограф В. Щепкин говорит о материале древнерусской письменности: «Но даже если пред нами факт, что с XI и до конца XIV века среди сотен русских рукописных книг мы не имеем ни одной датированной рукописи, писанной на бумаге, можем ли мы утверждать, что в эту эпоху в России писали только на пергаменте?»¹⁵. Сегодня мы не только априорно можем говорить об использовании на Руси иного материала, отличного от пергамента, но и более того — тщательно изучать берестяные грамоты, благодаря их последовательной публикации¹⁶.

Берестяные грамоты обстоятельно и всесторонне изучаются в наше время с точки зрения языка и языковых особенностей¹⁷, эпистолярного наследия¹⁸, торговли¹⁹, комплексного изучения грамот, найденных на одной усадьбе²⁰, и т. д.²¹ Но до сих пор они не рассматривались как источник церковной истории, духовной жизни, образования и просвещения наших предков и, преимущественно, жителей Новгорода, так как основная часть грамот найдена в этом замечательном центре русской культуры²².

У нас очень мало данных для суждения о системе древнерусского образования, хотя известно, что его истоки восходят ко времени Крещения Руси при великом князе Владимире († 1015). Лаврентьевская летопись повествует, как равноапостольный просветитель Русской земли после Крещения «послав нача поимати у нарочитое чади дети, и даяти нача на учење книжное... Сим же раздаяном на учење книгам, събъсться пророчество на Русьстей земли, глаголющее: во оны дни услышат гласиши словеса книжная, и ясьн будет язык гугнивых. Си бо не беша преди слышали словесе книжного, но по Божью строю, и по милости Своей помилова Бог»²³. Таким образом, просвещение у нас тесно связано с Крещением страны. Это очень симптоматично, тем более, что в древности Крещение понималось как просвещение не светом Христовой веры. Начавшееся при князе Владимире просвещение, широкая грамотность развивалась и в последующие времена. И нам известны имена замечательных древнерусских богословов, проповедников, писателей, агнографов, гимнографов: митрополит Иларион, преподобные Феодосий Печерский и Нестор Летописец, игумен-паломник Даниил, «русский Златоуст» — епископ Туровский Кирилл, Владимирские епископы Симон и Серапий, Московские святители Алексей и Кирилл, архиепископы Дионисий Суздальский и Феодор Ростовский, Епифаний Премудрый, Новгородские святители — Моисей, Евфимий, Иона, Геннадий и Макарий, иноки Зиновий Отенский и Григорий Суздальский и множество других. Многие из названных лиц причислены Русской Церковью к лику святых. Их жития, а также

жития других подвижников, содержат некоторые сведения о древнерусской школе и образовании. Указанный материал был рассмотрен в свое время В. Виноградовым²⁴, закончившим свое исследование следующим образом: «Так под кровом монастырских храмов, от пустынных келий подвижников тихо и незримо, но прочно развивался вековой исторический процесс религиозно-нравственного просвещения русского народа».

Обучение в древности велось по церковным книгам: Псалтири, Часослову и Апостолу. Это общеизвестно, а вот о том, как учились русские люди письму, могут рассказать берестяные грамоты.

В 1956 г. были найдены грамоты новгородского мальчика Anfима, датированные третьим-четвертым десятилетиями XIII в., временем начала монгольского ига на Руси, временем княжения святого благоверного князя Александра Невского в Новгороде. На двухсотой, согласно нумерации, грамоте изображен автопортрет мальчика на коне и подпись: «Онфиме, а в правом углу — начало алфавита (№ 200, с. 20—21). Другие его, дошедшие до нас грамоты посвящены школьным упражнениям, в частности, написанию алфавита, слогов (см.: № 199, с. 17; № 201, с. 22—23; № 204, с. 25; № 205, с. 25—26; № 206, с. 26—28)²⁵. На одной грамоте он написал: «Господи помози рабу своему Онфиму» (№ 203, с. 24). Отмечается, что это выражение «имело в Древней Руси значение подписи... Нет ни одного случая, когда такая формула не имела бы значения подписи. Мальчика Онфима тоже научили так подписываться, как только он научился писать» (там же, с. 24—25)²⁶. Но такая интерпретация значительно обедняет смысл того, что написано в грамоте. В Древней Руси к написанному и прочитанному относились с значительно большим вниманием, чем теперь. И если это подпись, то это еще — и прежде всего — обращение к Подателю всего — Богу и Творцу. Начав со слогов, юный новгородский ученик, таким образом, переходил к написанию целых фраз: «Господи, помози!..». Писал Anfим и тексты церковных песнопений: «Яко с нами Бог(г), услышите до послу, я(ко) же молочи твою на раба Твоего Бо...» (№ 207, с. 28). Начало данного текста взято из чинопоследования великого повечерия. Грамота, вероятно, написана по памяти «в классе» как задание, либо после Богослужения дома. Так от алфавита и слогов в процессе обучения письму ученик переходил к целым фразам и предложениям, старательно вдавливая, процарапывая их на дешевом писчем материале²⁷.

Употребление на раннем этапе обучения в качестве «пишущего» инструмента заостренного костяного или железного предмета своеобразно влияло на выработку почерка множества древнерусских писцов и сказалось на их продукции — рукописных книгах. На Руси очень долго в письменности сохранялся «полуустав», а скоропись, т. е. слитное написание слов и букв, появляется значительно позднее в связи с переходом на бумагу и гусиное перо. «Фигура новгородца, — говорит В. Янин, — к поясу которого пришеено неразлучное с ним орудие письма на бересте, стала известной в результате раскопок...»²⁸ «Только находка берестяных грамот сделала понятным загадочный консерватизм почерков на пергаменных рукописях: ведь они писались людьми, учившимися письму на бересте. Распространение же бумаги и гусиного пера убило письмо на бересте. Один интересный признак подтверждает это предположение. Выше было рассказано о привычке наших предков разных возрастов писать на церковных стенах... Так вот, задатней XV в. на штукатурке еще много, а в XVI в. на стенах не писали. Понятно почему: гусиным пером на стенке не напишешь, а железного писала у пояса уже нет»²⁹.

Такие писала, древнерусские «вторучки», в новгородской почве находят в небольшом количестве, начиная со слоев второй половины X в. А это также показатель распространения грамотности в новгородском обществе, что, в свою очередь, дает основание для пересмотра и новой интерпретации известного свидетельства архиепископа Новгородского Геннадия († 1505). Он писал: «Приведут кого грамоте горазда, и мы ему велим одны октени учити, да поставив его да отпушаю боржае, и научив как ему Божественная служба совершат; ино им на меня ропту нет. А се приведут ко мне мужика, и яз велю ему Апостол дати чести и он не умеет ни ступити, и яз ему велю Псалтырю дати и он и по тому едва бредет...»³⁰. Обращая внимание только на вторую половину приведенной фразы, некоторые ученые делали неутешительные выводы о состоянии образования на Руси в то время³¹. Между тем, Новгородский Святитель известен своей большой просветительной деятельностью³², и поэтому вполне может быть понятна его повышенная требовательность к духовенству. Кроме того, как отмечает Б. Санунов, речь идет о специфике выбора новгородского духовенства и о случаях, когда ставленники не получили признания Святителя³³. Факт широкого распространения грамотности увязывается также со всем комплексом достижений древнерусского человека в области литературы, храмового зодчества, иконописи того времени. Поэтому можно согласиться

с высказыванием Л. П. Жуковской, что «берестяные грамоты, найденные во время раскопок в Новгороде, совершенно безусловно свидетельствуют о широком распространении грамотности в Новгороде в XI—XV веках среди всех социальных групп населения, среди мужчин и женщин, а также о том, что грамоте древние новгородцы начинали учиться с самого раннего возраста и применяли при этом бересту»³⁴.

Таким образом, широкое распространение книжной и письменной культуры, можно сказать, было характерно для Древней Руси. И в этом отношении замечательной по своему содержанию является берестяная грамота, найденная в Новгороде в 1957 г., перевод которой гласит: «Поклон от Якова куму и другу Максиму. Купи мне, пожалуйста, овса у Андрея, если продаст, возьми у него грамоту. Да пришли мне чтения хорошего (Разрядка наша.— И. М.). Да возьми мне приказания... в срок» (№ 271, с. 96—97). В оригинале написано «да пришли ми чтения доброго». С такой просьбой обращаются к сыну посадника — Максиму Онисифоровичу, жившему во времена преподобного Сергия, в эпоху Куликовской битвы (1380 г.). Максим, получатель грамоты, был ктитором новгородского Колмова монастыря, основанного, как предполагается, в 1392 г.³⁵ Мы не знаем о том, какая у него была библиотека, но возможность выбора «доброе чтение» говорит о многом: и о величине библиотеке, и о ее разнообразном содержании. В. Л. Янин замечает: «За строчками письма Якова, мы, вместе с ним жаждавшие «чтения доброго», увидели библиотеку Максима Онисифоровича, в которой среди дорогих пергаменных книг были, наверное, и дешевые берестяные»³⁶. Неизвестно, что было послано в ответ на просьбу, но мы знаем о книжных интересах русского общества того времени, о его духовном просвещении. Это было время особого подъема русского общества, осознания им своих духовных сил, истоки которых виделись в обращении к культуре Киевской Руси. Именно к этому времени относятся самые ранние списки различных произведений Киевского периода: Лаврентьевская летопись, содержащая труд преподобного Нестора Летописца; Киево-Печерский Патерик, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иларiona и др.³⁷ Это было время Возрождения, время обращения, как и на Западе, к античности с тою принципиальной разницей, что «русская античность» относится по времени к Киевскому периоду и имеет христианское содержание³⁸. В это же время древнерусская литература интенсивно пополнялась переводами аскетических произведений. «Когда переводяешь описание славянских рукописных собраний, бросается в глаза, что большинство сборников XIV в. (начиная с середины) и XV в. наполнено трудами Исаака Сирина, Аввы Дорофея, Симеона Нового Богослова, Иоанна Синайского (Лествичника), Филофея Синаита, Петра Дамаскина, Григория Синаита»³⁹. Одновременно наблюдается значительное увеличение числа основываемых монастырей на Руси⁴⁰. Ктитором одной из основанных в это время обителей был Максим Онисифорович. Конечно же, он послал «доброе чтение» обратившемуся к нему любителю книжной премудрости⁴¹.

Современником Максима был новгородец — автор берестяной грамоты № 128, написанной в четырех столбцах, из которых, в силу фрагментарности, можно прочесть первые три: «...чаем... Дево всяка слава тебе лепо, Дево песнь всяка духовная тебе лепо...; ...щим и грехов избавляющися тя величаем, сущую Матерь Сына Божия...; ...милость пребогатую и долгов избавляещи...» (№ 128, с. 62—63)⁴². Эта грамота — похвала Богоматери — также может являться школьным трудом молодого новгородца, жившего столетие спустя после Анфима. Но писали на бересте богослужебные песнопения не только дети, о чем может свидетельствовать первая берестяная книга, найденная в 1963 г., — давнишняя мечта археологов. Она содержит стихиры 1-го гласа на «Господи, воззвах» и на стиховне из Октоиха: «И(н)сус(у) Х(рис)ту як(о) особомь почитаемо. Г(оспод)и, благослови, от(че).

Вечерняя наша молитвы прими, Святы(и) Г(оспод)и, и подаже нам оставльное грехово, яко едино еси явилн во мирь воскресение.

Обидеть людие Сиона и обонить и дадить славу во Немьмь Воскресошьмоу п(з) мрт(в)ыхо, яко Ты еси Бога нашм избавилн ото безаконнн нашншо.

Придть людие, поимо и поклонимся Х(рис)тоу, славяшь Его святое Воскрсение, яко То еси Бо(го) нашм избавляа ото безаконн(и) нашшо.

Страстию Твоею о(т)ь сстра страстнн свободихомося и Воскрсениемь Твоимь из пстления изыбьмо. Г(оспод)и, слава Тобь» (№ 419, с. 27).

Размеры берестяной книги невелики: 4,5×5,1 см; датируется она второй половиной XIII в. Издатели предполагают, что ее «текст был списан с достаточно ранней рукописи, палеографические особенности которой активно воздействовали на графику певшего... Найденная при раскопках книжечка была изготовлена, возможно, для священника, но вернее — для певчего» (там же).

К числу сравнительно целых текстов можно отнести следующую выписку из Священного Писания (XII в.): «Господи, услыши молитвою» (Пс. 101,2) (№ 462,

с. 57). Другие берестяные грамоты сохранили до нас церковно-богослужебные тексты относительно фрагментарно: «...го Слово Пло... чю аше на не азо... Господи, не ярости о...» (№ 331, с. 19)⁴³. В последних словах угадывается второй стих 6-го псалма пророка Давида. Еще более фрагментарен текст середины XIV в.: «...воему оспод...» (№ 182, с. 67). Издатели грамот пишут об этом: «Текст восстанавливается: «своему осподину» или (что менее вероятно) «твоему осподину». Исходных данных для интерпретации мало, но это может быть и текст песнопения, например: «Слава долготерпению Твоему, Господи!». Церковного содержания может быть грамота XII в.: «...ствъ с небесь» (№ 518, с. 112).

Указанные примеры при всей своей фрагментарности и малочисленности по отношению к общему количеству грамот позволяют сделать некоторые обобщения. На бересте встречаются тексты Священного Писания, но исключительно те, которые имеют богослужебное употребление и по существу представляют собою песнопения служб. Сам же текст Священного Писания в то время писался на пергамене, позднее — на бумаге. В отличие от пергаменных Богослужебных книг для клирического пользования, берестяные предназначались для индивидуального употребления⁴⁴.

Значительно больше материала дают нам берестяные грамоты о деятельности новгородского духовенства. Встречаются упоминания о новгородских святителях, причем самое раннее относится к XI в. А. Аршиховский и В. Борковский, издавая грамоту № 247, не отметили, что в ней упоминается о епископе (№ 247, с. 69—71). Но, как показал А. Горский, слово грамоты «епоу» имеет титул и означает новгородского епископа⁴⁵. Одна из ассоциаций, высказанных им в связи с данным текстом, есть предположение, что в грамоте может идти речь о восстании в Новгороде, податном волховом.

Неизвестный автор «бересты» первой половины XII в. в конфликтной ситуации объявляет, что он обратится к суду князя и владыки (№ 155, с. 34, 36). В грамоте XIV в. читаем: «...от попа ко Моисею. Воступися... я, хотя бы ти истеряти.. азо во томо. А дома пло...» (№ 489, с. 83—84). Отмечается, что имя Моисей очень редко употреблялось в Новгороде светскими людьми, принимая в этом случае, как правило, форму Мосей. Оно было преимущественно монашеским именем. Если Моисей умоляют о заступничестве, то надо думать, что он располагал для этого реальными возможностями и, следовательно, имел высокий сан. Во времена, к которым относится данная грамота, в Новгороде был один, известный летописцу, архиепископ Моисей († 1362; память 25 января), занимавший дважды Новгородскую кафедру (1326—1330 и 1352—1359 гг.). «Допустимо с некоторой степенью гадательности именно в нем видеть адресата грамоты № 489» (там же). В первой половине XV в. Новгородскую кафедру последовательно занимали архиепископы Симеон (1416—1421), Евфимий I (1424—1429), Евфимий II (1434—1458)⁴⁶. Кого-то из них имел в виду неизвестный автор, когда писал: «...слово за меня владыке ради Бога. А что я позвал...» (№ 244, с. 66—67).

Таким образом, все упоминания «берестяных» текстов о владыках связаны так или иначе с просьбами и, преимущественно, судебного характера. Как увидим ниже, подобные обращения делались и к представителям низшего духовенства, но чаще новгородское духовенство предстает в текстах берестяных свитков в свете своих бытовых нужд. В различных исторических трудах мы можем прочесть о церковных проблемах в той или иной епархии, но о повседневных нуждах приходского духовенства стало известно лишь благодаря находкам и публикациям берестяных грамот. В середине XIV в. один автор писал: «Се благослови, попе Максие... село, а земля тому селу по зарубь (К)синофо... ему» (№ 368, с. 66—67). Этим же временем датируются сведения несколько конфиденциального характера: «Приказ (в смысле — наказ) от попадыи к попу. Что у тебя было, та пошло к Олани. А теперь распространяется Кирьяком. А теперь позаботься о том» (№ 538, с. 140)⁴⁷. Тексту грамоты № 293 предшествует знак креста. Грамота гласит: «От попа к Завиду. Десятнадцать гривнами на... две резаны это тебе. 5 гривен и 8 кун отдай жене Волотка... возьми за себя. И кланяюся той гривне серебра» (№ 293, с. 123)⁴⁸. Упоминаются в берестяных грамотах сын священника — «Нъжилъ пльвь» (№ 231, с. 54), «черница» Мария (№ 323, с. 13) и безымянный игумен: «Покло от Парфения к угумяну. Осподине, како есьмъ порядилесе, тако и живу. А Василке, село Пустош, вежу свезле, дворе 3 свезле. А Селоана вхыхъ се грозитье у Ладогу звати. Осподине, о всемъ томо понаболесе» (№ 359, с. 54). Более понятным для нас может быть следующее обращение к священнику: «Поклонь от Панфил к Мар(ни) и ко попу. Купите маслеца деревяного да пришлите симь» (№ 173, с. 58). Имеется в виду один из сортов оливкового масла, употреблявшийся для горения в лампадах. Как теперь, так и в древности благочестивые люди возжигали лампы в храмах и дома перед святыми иконами. Иногда обращались к духовенству и с совершенно неожн-

данной просьбой, например, за пшеном (№ 354, с. 44). Как наиболее авторитетным и уважаемым людям, представителям духовенства приходилось быть «послухами», т. е. свидетелями при написании «духовных» грамот-завещаний. Так, на рубеже XIV—XV вв. некий игумен Дномид был «послухом», когда его духовный сын, некий Моисей, писал свое завещание. Вместе с игуменом грамота называет «попа» Афанасия (№ 520, с. 115).

Древнерусские жилища, как правило, были деревянными; над ними возвышались каменные храмы — жилища Бога Живого. Храмы были сравнительно менее опасным местом во время частых пожаров. Это, а также святость места побуждали русского человека хранить некоторые свои вещи под церковным кровом. Чаше это осуществлялось благодаря сооруженной подклетьей, «нижних полат» под храмом. Берестяные грамоты на примере конкретных текстов подтверждают наши представления о подобном значении древнерусских храмов. «Цолобиты оть Смона к попу Ивану, — читаем мы в одной грамоте XV в. — Цобы еси моего москотьа моего перемострели, дадбы хорь не попортля. А я тоби, своему осподину, поломь бню в коробки. А послать есмь ключь Стопаномь. А помитка горносталь» (№ 413, с. 18). Иными словами, просителю нужно было в одном из новгородских храмов проверить коробку с изображением горносталя, чтобы ее содержимое не испортила моль. Несколько ранее датированная грамота гласит: «Приказ о(т) Сидора к Григории. Что оу подоклити оленнии, выдаи сторьжо в церквь. А что дви корьби Сидьрови...» (№ 275, с. 101). В силу всего сказанного неудивительно, что в грамотах к духовенству неоднократно упоминаются ключи (№ 177, с. 61; № 470, с. 65—66).

Предполагается, что грамота № 220 является записью покупки. В таком случае она свидетельствует, что около храмов могла совершаться торговля: «У попа на Черменце 2 горшка масла... А у Кирилла гороха четвертина, при церкви же святого Петра» (№ 220, с. 42). Имело духовенство в Древней Руси и непосредственное отношение к торговле. Не взирая на отрывочность текста следующей грамоты, в ней можно усмотреть основание такого утверждения: «Поклон... к попу. Послал... денег да... милотарского поллоктя, а... ского две трети. Омочи, пристригн, а краски послал. А пошли с теми же людьми. А пуговни на денгю сапожных. А я тебе кланяюся» (№ 536, с. 138). Здесь же нужно сказать о грамоте, написанной в конце XII — начале XIII в., которая, как предполагают, относится к переписке «кушцов складников»: «...ко Спирку. Если Матейка (еще) не взял пн, вложи ее (вместе) с Прусом ко мне. Я распродал олово, свинец и клепанье все. Мне уже не (нужно) ехать в Суздадь. Воску куплены 3 пн. А тебе (нужно) пойти сюда. Вложи олова красного примерно четыре безмена, (то есть) примерно два полотенца. А деньги собери поскорее» (№ 439, с. 44). Под словом «пн» в грамоте имеются в виду круги воска. Издатели отмечают: «Упоминание о покупке воска придает особую ценность грамоте, поскольку в ней речь идет об олове и свинце. В древней и средневековой цветной металлургии широко применялось литье по восковой модели» (там же, с. 43). Но возможна и другая интерпретация данного известия. Грамота найдена на усадьбе недалеко от храма святого Иоанна Предтечи на Опоках, вокруг которого жили купцы, торговавшие воском⁴⁹. Между тем, воск являлся экспортным товаром для древнего Новгорода, а в обмен получался цветной металл. В XVI в. архиепископ Новгородский Макарий (1526—1542), будущий Всероссийский митрополит, поставляя в Таллин в большом количестве воск, приобретает при этом серебро, олово⁵⁰. Получасные им таким образом металлы могли использоваться во владычной мастерской на церковные нужды: изготовление окладов, крестов, украшений и т. д. Расцвет деятельности макарьевской мастерской в это время отмечается исследователями⁵¹. Указанный также в грамоте свинец употреблялся в древности на церковные нужды, а именно — для покрытия кровли храмов. Грамота датируется рубежом XII—XIII вв. Летописные свидетельства этого времени говорят: архиепископ Нифонт († 1156) «поби святую Софию свиньцем, всю прямь»⁵²; «покры владыка Новгородский Далмаг († 1274) святую соборную церковь Софию свиньцем, и дай ему Бог спасеная молитва и отпушение грехов»⁵³.

Таким образом, новгородский храм в древности наполнял все стороны жизни своих прихожан. Дом молитвы был также центром и повседневной жизни и деятельности новгородцев.

Все приведенные грамоты довольно фрагментарны; относятся они к разному времени и найдены в различных местах. Известно, например, несколько грамот конца XIII — первой половины XIV в. с усадьбы, где жило духовенство⁵⁴.

Наибольший же интерес представляет комплекс берестяных свитков, связанных с именем священника «Олисея Гречина», известного по новгородским летописям и которому в последнее время посвящено несколько опубликованных статей⁵⁵. Изве-

стно, что занимался он написанием книг, в мастерской при его доме не только писались иконы, но и делались оклады к ним, изготовлялась церковная утварь, шилось облачение. На его усадьбе найдено немало предметов языческого культа, что еще раз говорит о противодействии язычеству со стороны Церкви. Он дважды был одним из претендентов на Новгородскую кафедру, а впоследствии стал настоятелем Спасо-Хутынского монастыря.

Берестяные свитки говорят, что священник Елисей участвует в судебных разбирательствах и к нему обращаются за помощью (№ 502, с. 96—99)⁵⁶. К Гречину обращаются также с просьбой о написании икон: «Поклаияние от попа къ Грѣщину. Напиши ми шестокрилая анг(е)ла 2 на довоу икоунокоу, на верхю Деисусоу. И целоую тя. А Б(ог)ъ за мздою, или ладн всяя»; «От попа Минь ко Грѣщину. А бодн семо ко Петровоу денн съ икоунами с тримо»⁵⁷. Известны также грамоты, которые отображают композиции заказанных икон (552, 553)⁵⁸. По-видимому, к числу этих грамот следует отнести еще одну: «Петре-Евана, Маримьяна, Яна-Георгия, Федорь-Прокопия, Оводокья-Евана Рож(дест)во, Еоу...» (№ 506, с. 101). Издатели грамоты обратили внимание на различные падежи в именах и предположили, что в родительном падеже указаны новгородские храмы. В последней публикации данного текста обращено внимание лишь на имена, написанные в именительном падеже: «Петр празднуется 1 февраля, Мариамна — 17 февраля, Аппа — 3 февраля, Феодор — 8 и 22 февраля, Евдокия — 1 марта. Как кажется, имеются основания говорить в этом случае о системе февральских поминаний»⁵⁹. Но если это система поминаний, то непонятно, кто должен обращаться с молитвой к святой мученице Евдокии. Не проще ли, учитывая, что «Олсей Гречин» был художником, видеть в этом свитке запись имел заказчиков и соответственно названия икон?

«Гречин» известен был не только как иконописец, но и как фрескист, расписывавший храмы: Благовещения в Аркажах, надвратный храм в новгородском кремле, Спасский в Руссе и знаменитый Спасо-Нередицкий. Наиболее изучен последний из названных храмов, построенный и расписанный в конце XII в. Старшим мастером, расписывавшим его, является адресат вышеназванных грамот — грек Елисей. В храмовой росписи уникального памятника обращает внимание изображение святых, тезоименных пресвитеру, служившему тогда в этом храме, Новгородскому архиерею того времени и т. д.⁶⁰ Можно отметить еще такую интересную особенность. Чтобы поместить во всей полноте на западной стене небольшого по размерам храма изображение Страшного Суда, вместо непомешавшегося Сошествия во ад, рядом была изображена «Анастасия — носительница символического имени, которым восточное богословие обозначает Сошествие Христа во ад»⁶¹. Принадлежащее кисти Елисея изображение священномученика Петра Александрийского своим расположением в росписи алтаря предвосхитило иконографические образы, отраженные в «Эрминии» — позднейшем руководстве для иконописцев⁶². Сказанное не исчерпывает всех особенностей росписи данного храма, но и на основании этого мы вправе говорить об Елисее как замечательном живописце. Ему же принадлежит береста, на которой, как предполагают издатели, сохранился фрагмент проповеди (№ 507, с. 103)⁶³. Хотя, в силу значительной фрагментарности, текст грамоты не может представлять гомилетического интереса, но сам по себе факт написания проповеди на бересте весьма замечателен.

На усадьбе того же пресвитера Елисея найдено много поминальных записок, которые во время пожара на усадьбе могли попасть в землю, благодаря чему сохранились до нашего времени. Сохранились до нас и поминальные «разовые синодики», например, XVII в., написанные на бумаге⁶⁴. По форме они, можно сказать, напоминают берестяные, но тексты их оговаривают немаловажную особенность поминования, например: «усопших», «помянути заупокой», «помянути о здравии». Изучение поминальных записей священника Елисея позволило сделать заключение, что «в берестяных синодиках проявились специфические интересы черниц Людина конца и прежде всего Варварина монастыря. Надо полагать, что в конце XII — начале XIII в. живший на усадьбе А священник был связан с этим монастырем, а варваринские черницы относились к нему, как к своему духовному отцу, что могло случиться, если он священствовал в монастырском соборе»⁶⁵.

Остановимся на содержании некоторых берестяных синодиков, поскольку они могут дать материал для размышлений о русском благочестии. Грамота № 508 гласит: «Иосифъ, Онуфрию, милостивн на сна: София, Федосия, Улиана, Пелагия, Демитре(и), Павело, Оводокья, Офимно, Иоръги, Мирофа» (№ 508, с. 103). Исследователи отмечают, что память святых Иосифа и Онуфрия совершается 4 января и именно их имена написаны вначале, и к ним обращены молитвы за новгородцев, имена которых написаны затем. Не отрицая такого понимания смысла грамоты, нам, однако, представляется натянутой увязка ее с Месяцесловом. Обратимся к замеча-

тельному труду архиепископа Сергия (Спаского). 4 января совершается память святых апостолов, и среди них есть «Иосий, или Иосиф, прозываемый Варсавою, или Иустом (30 окт.)»⁶⁶. Но упоминаемый под этим числом ниже мученик Онуфрий — святой XIX века!⁶⁷ Все имена берестяных поминаний были суммированы исследователями и сведены в одну таблицу из следующих изображений: «При этом мы исходим из вероятности, что присущая Новгороду склонность к патрональным культурам побуждала прихожан обращаться чаще всего к святым, которые были тесно связаны с почитаемыми ими современникам, живым или недавно умершим»⁶⁸.

Думается, однако, что в данном случае идет речь не о святых, тезоименитых «современникам». Русская агиология дает нам немало примеров обращения к святому или празднуемому священному событию, в день памяти которых произошло рождение или что-то знаменательное в жизни того или иного человека. Приведем некоторые из них.

В 996 г. равноапостольный князь «Владимер с малою дружиною изыде противу (печенегов.— И. М.), и съступившимся, и не мог стерпети противу, подъбег ста под мостом, ода укрыся противных; и тогда обещася Володимир поставити церковь Василеве свягата Преображенья, бе бо в ть день Преображенье Господня, егда еи бысть сеча»⁶⁹.

Когда митрополит Алексей († 1378) возвращался из Константинополя, на Черном море разыгралась сильная буря. Святитель усердно молился и дал обет: «Яко во ныже день аще в пристанище пристанемь и котораго аще прилучитъся свягата день в то имя създати церковь»⁷⁰. Данное обещание было исполнено строительством Спасо-Андрониковского монастыря. Куликовская победа, происшедшая на праздник Рождества Пречистой Богородицы, явилась причиной создания монастырей и храмов в честь этого праздника.

В Житии Московского митрополита Ионы читаем о том, как избавилась Москва от нашествия татар: «Скоро повеле (митрополит Иона.— И. М.) воздвигнути храм в память положения честныя ризы Пресвятыя Богородица на своем дворе в полате в едином угле в досках, и в той день смятошася погании от града побегоша, гоними неведомою силою Божию, а православнии христиане вси спасени быша»⁷¹.

Замечательное известие помещено в летописи под 1479 годом: «Того же лета июля месяца 11 заложил церкви камени Иоанна Златаустаго благоверныи и христоролюбивыи великии князь Иван, а прежебывшую древяную разбрав... поне же бо имя его наречено бысть, егда бывает праздник принесение Иоанна Златаустаго генваря 27, а в застенке тоа церкви повеле церковь другую учинити Тимофеа апостола, в той бо день родися»⁷².

Император Петр I родился в день празднования преподобного Исаакия Далматского, в честь которого сооружен был собор, украшающий набережную Невы.

В кафедральном Успенском соборе в Рязани 19 июля совершался молебен благоверному князю Роману, на день памяти которого пришла победа над французами в 1812 г.⁷³

Духовную связь с небом древнерусские летописцы очень четко ощущали и перепевали, отмечая, что то или иное событие совершилось такого-то лета, в такой-то день, на память такого-то святого. Так, выдающийся иерарх XVI в.— святитель Макарий был поставлен на Новгородскую архиепископскую кафедру «в неделю 4 поста, на память преподобнаго отца нашего Герасима, иже на Иордане»⁷⁴. Интересно, что из Макарьевской иконописной мастерской происходит икона «Герасим иже на Иордане со львом»⁷⁵.

В этом отношении замечательны и другие берестяные грамоты, в которых называются Ильин день, Проклов, Петров, Рождество и т. д.⁷⁶ Тем самым подтверждается наблюдение священника Павла Флоренского о культовом характере времени⁷⁷. Православная Церковь каждый день чтит память святых, обращаясь к ним во время богослужения.

Глубина новгородского благочестия, запечатленная в призывании святых, находила выражение и в других формах. Например, с приближением к концу земного бытия писалась духовная грамота: «Во имя Отца и Сына и Свягата Духа. Фетиния отход(я)...» (№ 28, с. 30); «...аго Духа. Се яз раб Б(ожий)» (№ 369, с. 67); «Се аз раб Божии Мосии пишу рукописание при своем животе...» (№ 519, с. 114). Подобные документы, как уже говорилось, составлялись в присутствии духовенства. При этом считалось долгом сделать вклад из своих имений на молитвенную память в монастырь или храм: «...А же нь будеть остатка детей моихъ, ино мои оучастокъ Зашело(н)скои земле с(вя)тому Николе на Струпини... А Кромеская и Вышекская земля с(вя)те(и) Б(огороди)ци на Дубровни», — читает в одной духовной грамоте на бересте (там же). Но вклады давались не обязательно при написании духовной грамоты. С таким фактом мы встречаемся, в частности, в грамоте первой поло-

вины XIV в.: «Покло(но) от Филликса ко Смену и ко Юргю. На Бозе полжено и на васо. Аже бу(дете) что прибытка во всяя будете, то вложи во церкове. А что буде надобе жене моеи, и ты, брате Смене, даи жене моеи. А азо тебе много кланяюся» (№ 414, с. 19—20).

Среди личного имущества новгородцев упоминаются в грамотах «чъстное древо» — крест (XI в.) (№ 246, с. 68)⁷⁸, «икона с гойтаном» (№ 500, с. 93). В грамоте XI в. автор говорит о возможности военных действий и просит молитв (№ 527, с. 128).

Многие исследователи отмечают светский характер содержания берестяных грамот. Например, академик Л. В. Черепнин говорит: «Бросается в глаза сравнительно ограниченное число записей на бересте церковного содержания. Большинство берестяных грамот носит светский характер и связано с землевладением, хозяйством, всевозможными гражданскими сделками, судебными спорами и т. д.»⁷⁹. Приведенный и рассмотренный выше материал позволяет нам высказать несколько иную точку зрения. Берестяные грамоты — это культурный срез, который существенно отличается от книжно-письменного, известного до этого. Его можно назвать бытовым по содержанию и потому, что его материал не предполагал длительного использования и употребление. Поэтому удивляться приходится не столько тому, что берестяные грамоты носят светский характер, сколько тому, что и в них мы находим немало сведений о духовной жизни новгородцев, о церковных событиях того времени и пр. Уместно вспомнить здесь высказывание Б. Сапунова: «Ошибка многих библиотечных и музейных работников заключается в том, что по степени сохранности той или иной книги, того или иного памятника они непосредственно судят о степени их распространения в древности. Скорее надо предполагать обратную картину: наиболее популярные, наиболее читаемые книги именно в силу своей распространенности и «читаемости» сохранились значительно хуже»⁸⁰. Можно думать, что береста с церковно-бogosлужебными текстами, в силу благоговейного отношения к ним, могла попасть в землю исключительно в чрезвычайных обстоятельствах: при пожаре, разорении и т. д. Поэтому утверждения исследователей, что в древности грамоты рвали и бросали, нужно принимать с известным ограничением.

Данная работа являет собою первую попытку осмысления содержания берестяных грамот в контексте русской церковной истории, и потому она не претендует на исчерпывающий охват материала и полноту интерпретации грамот. Дальнейшее всестороннее их изучение — дело будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. Арциховский, М. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953, с. 13. А. В. Арциховский, руководитель археологической экспедиции в другом месте писал: «Чем больше будет раскопок, тем больше они дадут драгоценных свитков березовой коры, которые станут такими же источниками для истории Новгородца Великого, какими для истории эллинистического и римского Египта являются папирусы» (А. Арциховский. Новые открытия в Новгороде.— «Вопросы истории», 1951, № 12, с. 79).

² Л. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 12. Там же (с. 4—14) библиография берестологин.

³ Д. Адамский. История новгородских открытий.— «Вопросы истории», 1971, № 6, с. 49.

⁴ В. Янин. Я послал тебе бересту... Изд. 2-е. М., 1975, с. 31.

⁵ И. Вайнер, В. Каховский, Ю. Криснов. Береста с надписью из Чебоксар.— «Советская археология» (далее: «СА»), 1971, № 3, с. 269—274; Л. Костюхина, М. Шенкина. Палеографическое описание фрагментов бересты из раскопок в Чебоксарах.— Там же, с. 275.

⁶ В. Трояновский. В глубину веков.— «Известия», 8.IV.1981, № 83 (19759), с. 6.

⁷ А. Левина. Поклон от предка к...— «Комсомольская правда», 21.VIII.1981, № 192 (17198), с. 4.

⁸ Русская историческая библиотека. Т. VI. Памятники древнерусского канонического права. Ч. I. Памятники XI—XV вв. Изд. 2-е. СПб., 1908, стб. 40.

⁹ Я. Шапов. Кирик Новгородец о берестяных грамотах.— «СА», 1963, № 2, с. 252.

¹⁰ Там же, с. 253.

¹¹ П. Казанский. Прендобного Носифа Волоколамского отвещание любозаорных и сказаше вкратце о святых отцех, бывших в монастырех, иже в Рустех земли сущих.— ЧОИДР, 1847, № 7, смесь, с. 4; Великие Мшени-Четыи, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. 1—13. СПб., 1868, стб. 550; Сказания о рус-

ских и славянских святых, извлеченные из Великих Миней Четых. Ч. 1. СПб., 1868, с. 242.

¹² А. В. Карташев. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. Париж, 1959, с. 476.

¹³ См.: ГИМ, собр. П. Н. Шукшина, № 853. Слово о брадонебритии, купно и брадонебритии. XVIII в., 17,5×10,5 см. На последнем листе книги (л. 9 об.) конечная фраза обрывается на полуслове: «Исиде богине египетской не служим: в кашпцах их скверных жертв не приносим, молит...» Таким образом, в наличии сохранилась только первая тетрадь бывшей некогда целой книги. Там же в собрании А. П. Бахрушина имеется значительно большая по объему и формату берестяная книга (№ 28. Старообрядческий полемический сборник. XVIII в., (22×17 см), 48 л.+3 л., сохранившихся фрагментарно). Обе рукописи из бересты написаны чернилами, поздним полууставом. В Библиотеке Академии Наук хранится Псалтирь XIX в., написанная на бересте (БАН. I.1.45).

¹⁴ Н. И. Соколов. К вопросу о тверских берестяных грамотах.— «СА», 1971, № 3, с. 268—269.

¹⁵ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, с. 10.

¹⁶ Основная публикация: А. Арциховский, М. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1951 г.). М., 1953, грамоты 1—10; А. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1952 г.). М., 1954, грамоты 11—83; А. Арциховский, В. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958, грамоты 84—136; А. Арциховский, В. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1955 г.). М., 1958, грамоты 137—194; А. Арциховский, В. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, грамоты 195—318; А. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963, грамоты 319—405; А. Арциховский, В. Янин. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1962—1966 гг.). М., 1978, грамоты 406—539. Далее цитация этих изданий сокращенно: номер грамоты и страница соответствующего издания.

¹⁷ Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955. Один зарубежный исследователь в своей статье, в которой, по его мнению, все вещи называются «своими именами» (?!), не отрицая важности берестяных грамот, считает, что они однако, дали «очень мало в смысле пополнения наших знаний о языке эпохи» (А. В. Исаченко. Если бы в конце XV века Новгород одержал победу над Москвой.— Wiener Slavistisches Jahrbuch, 1973, т. 18, S. 51).

¹⁸ Н. П. Панкратова говорит: «Наиболее ранними из имеющихся в нашем распоряжении частных писем являются новгородские берестяные грамоты. Из 405 опубликованных грамот с 1953 по 1961 г. частных писем — 205, включая отрывки» (Н. Панкратова. Из истории частной переписки на Руси.— В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1968, с. 135).

¹⁹ Е. А. Рыбина одну из глав своей работы назвала: «Берестяные грамоты как источник по истории новгородской торговли» (Е. Рыбина. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. Изд. МГУ, 1978, с. 85—102).

²⁰ В. Буров. Заметки о новгородских берестяных грамотах.— «СА», 1979, № 1, с. 218—227.

²¹ В. Буров. Новгородские свадебные документы XIV в. на бересте.— В кн.: Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978, с. 86—87; А. Арциховский. Берестяная грамота № 526.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 295—299; А. Куза, А. Медынцева. Заметки о берестяных грамотах.— В кн.: Нумизматика и эпиграфика. Т. 10. М., 1974.

²² А. Хорошев говорит: «В постоянно увеличивающемся объеме берестяной коллекции в последнее время приобретает значение группа грамот, связанных с деятельностью новгородских священников» (А. С. Хорошев. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. Изд. МГУ, 1980, с. 9). И действительно, по мере необходимости он ссылается на тексты грамот, но данная проблематика не является у него темой самостоятельного исследования.

Лишь частично данной проблематики коснулся Л. В. Черепнин. Один из параграфов девятого очерка его исследования о берестяных грамотах имеет название: «Язычество и христианство» (Л. Черепнин. Цит. соч., с. 389—393).

²³ Полное собрание русских летописей, т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846, с. 51.

²⁴ В. Виноградов. Жития древнерусских святых как источник по истории древнерусской школы и просвещения.— «Богословский вестник», 1915, март, с. 522—590; апрель, с. 774—796; май, с. 110—123.

²⁵ Известны и «анонимные» берестяные грамоты, содержащие полностью или частично алфавит, слога, ряды цифр (№ 330, с. 17—18; № 342, с. 29—30; № 444, с. 46—47; № 460, с. 56—57; № 485, с. 78).

²⁶ Много подобного рода надписей, и также древних, имеется на стенах новгородского собора святой Софии, Премудрости Божией (А. А. Медынцева. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV вв. М., 1978, с. 63, 67, 68, 79, 82, 87, 90), в киевских пещерах (Настольная книга священнослужителя. Т. 2. Месяцеслов (сентябрь—февраль). Изд. Московской Патриархии. М., 1978, с. 133), в киевском Софийском соборе (С. А. Высоцкий. Средневековые надписи Софии Киевской. (По материалам графики XI—XVII вв.). Киев, 1976, с. 25).

²⁷ В. Л. Янин отмечает, что «только две грамоты оказались чернильными. Одну нашли в 1952 году, и до сих пор она разделяет судьбу кремлевских грамот, с величайшим сопротивлением поддаваясь усилиям криминалистов прочитать ее. Эта грамота найдена тринадцатой. Другая чернильная грамота № 496 обнаружена в 1972 году» (В. Янин. Цит. соч., с. 29).

²⁸ Там же, с. 44.

²⁹ Там же, с. 226—227. См. также: В. Янин. Берестяная почта столетий. М., 1979, с. 77.

³⁰ Акты исторические. Т. I. СПб., 1841, с. 147; Н. Новиков. Древняя российская вивлиофика. Ч. 14. Изд. 2-е. М., 1790, с. 246.

³¹ Известен в этом отношении скепсис Е. Голубинского (см.: Е. Голубинский. История Русской Церкви. М., 1901, т. I, ч. 1, с. 701—727; т. II, ч. 2, с. 127—132).

³² См.: Свящ. Л. Веретенников. Святитель Геннадий, архиепископ Новгородский.— «ЖМП», 1981, № 6, с. 69—78.

³³ Б. Сапунов. Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978, с. 194, прим. 3. Срав.: А. Арциховский, В. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. М., 1958, с. 8.

³⁴ Л. Жуковская. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, с. 85.

³⁵ В. Янин. Новгородская феодальная вотчина. (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981, с. 17; Заметки о новгородских берестяных грамотах.— «СА», 1965, № 4, с. 112.

³⁶ В. Янин. Я послал тебе бересту..., с. 195.

³⁷ Д. Лихачев: 1) Национальное самосознание Древней Руси. М.—Л., 1945, с. 76; 2) Культура Руси эпохи образования русского национального государства. Л., 1946, с. 19—20, 45; 3) Культура русского народа X—XVII вв. М.—Л., 1961, с. 42—44.

³⁸ Г. Прохоров. Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы.— В кн.: Куликовская битва и подъем национального самосознания. ТОДРЛ, т. 34. Л., 1979, с. 4.

³⁹ Г. Прохоров. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в.— В кн.: Литературные связи древних славян. ТОДРЛ, т. 23. Л., 1968, с. 103. См. также: Д. Лихачев. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). М.—Л., 1962, с. 33—34.

⁴⁰ В. Иконников. Опыт исследования о культурном значении Византии в Русской истории. Киев, 1869, с. III.

⁴¹ Важным является и замечание, что эпоха, когда была написана данная грамота с просьбой о прислании «доброто чтения», известна «самым большим количеством грамот по сравнению с другими периодами» (А. Коновалов. Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания.— «СА», 1966, № 2, с. 66).

⁴² Л. В. Черепнин назвал текст этой грамоты «памятником церковной православной идеологии» (Л. Черепнин. Цит. соч., с. 391).

⁴³ На усадьбе, где была найдена эта грамота, обнаружен также небольшой сосуд для святого Мира, небольшие берестяные грамоты-ярлыки: «Еванове попове» (№ 319); «Марин черницы» (№ 323). Все это свидетельствует, что данная усадьба в Новгороде в конце XIII — начале XIV в. принадлежала духовенству (см.: В. Янин. Я послал тебе бересту..., с. 97).

⁴⁴ В грамоте конца XII — начала XIII в. есть такая фраза: «от отрошца ко Гю(ргю)... оу Михалѣ отбаран... ло вина Велеса... добра же мехе од...» (№ 225, с. 47). Издатели отмечают, что здесь «для толкования мало данных». Л. В. Черепнин же, сославшись на текст Евангелия от Матфея (9, 17) о невливании молодого вина в ветхие меха, предполагает, что «речь идет о языческом (?) празднестве» (Л. Черепнин. Цит. соч., с. 390).

⁴⁵ А. Горский. Некоторые итоги, задачи и перспективы изучения новгородских берестяных грамот.— «История СССР», 1970, № 6, с. 138.

⁴⁶ П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877, стб. 35.

⁴⁷ Возможно, нечто аналогичное имеется в виду и в грамоте № 394 второй половины XIII в.

⁴⁸ Этот же отличается и грамота № 9 — письмо от Гостыя к Василию. «Интересной особенностью является крест, поставленный в начале письма, как в грамоте Мстислава Юрьеву монастырю 1130 г.» (№ 9, с. 40). Написание креста предшествует тексту и в некоторых других грамотах.

⁴⁹ А. Хорошев. Цит. соч., с. 137.

А. В. Куза и А. А. Медынцева, комментируя грамоту № 260, где упоминается священник («...у попа Михаили возми полорубря, 10 лососей...»), считают, что у новгородских рыбаков конца XIV в. также был патрональный храм (А. Куза, А. Медынцева. Указ. ст., с. 228—229).

⁵⁰ В. Дорошенко. Торговля крупного таллинского купца в XVI веке. (По торговой книге О. Элерса 1534—1541 гг.).— Известия АН Эстонской ССР. Т. 18. Общественные науки. 1969, № 4, с. 334—343.

⁵¹ Г. Бочаров, Н. Горина. Об одной группе новгородских изделий конца XV и XVI века.— В кн.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977, с. 303.

⁵² ПСРЛ, т. 3. Новгородские летописи. СПб., 1841, с. 11.

⁵³ Там же, с. 220.

⁵⁴ В. Янин. Я послал тебе бересту... с. 97.

⁵⁵ В. Янин: 1) На Черницыной улице — XII вк.— «Знание — сила», 1978, № 10, с. 24—26; 2) Открытие художественной мастерской XII века в Новгороде.— В кн.: Памятники Отечества. М., 1979, кн. 4, с. 299—309; 3) Его звали Одисей Гречин.— «Неделя», 1979, № 52, с. 20—21; 4) Открытие мастерской художника XII в. в Новгороде.— «Вестник АН СССР», 1980, № 1, с. 112—121; Б. Колчин, А. Хорошев, В. Янин. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. См. также: В. Янин. Берестяные грамоты древнего Поволжья.— «Наука и жизнь», 1982, № 3, с. 36—38.

⁵⁶ См.: Б. Колчин, А. Хорошев, В. Янин. Указ. соч., с. 136—142; А. Хорошев. Цит. соч., с. 116. О судебной деятельности духовенства говорится и в других берестяных грамотах: №№ 87, 276 (Л. Черепнин. Цит. соч., с. 329).

⁵⁷ Б. Колчин, А. Хорошев, В. Янин. Цит. соч., с. 142, 143.

⁵⁸ Там же, с. 145, 147.

⁵⁹ Там же, с. 53.

⁶⁰ Там же, с. 162—163.

⁶¹ М. Мурьянов. К символике нередицкой росписи.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 169. См. также: М. Мурьянов. Этюды к нередицким фрескам.— «Византийский временник». Т. 34. М., 1973, с. 212—213.

⁶² Дняк. П. Веретенников. Священномученик Петр, архиепископ Александрийский.— «ЖМП», 1979, № 10, с. 68, прим. 31.

⁶³ Отрывок проповеди содержит и следующая грамота, датируемая серединой XIV в.: «...хо слзы проливаюте предь Богомъ. За то гне Божии на васо меще, поганыи. А ныне покаетесь того безакошия. А на то дело окашеное немного поводити. А тых бы хотя и не постыдетися» (№ 317, с. 151; Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981, с. 522, 523). Л. В. Черепнин говорит об этом тексте: «Новгородский летописец отмечает в 40-х годах XIV в. проявление иконоборческого движения. Не против ли этих еретиков направлено рассмотренное выше поучение?» (Л. Черепнин. Цит. соч., с. 392). Если это так, то мы встречаемся с фактом живой проповеди, направленной на обличение современных проповеднику заблуждений.

⁶⁴ БЛН, 33. 15. 241—244.

⁶⁵ Б. Колчин, А. Хорошев, В. Янин. Цит. соч., с. 56.

⁶⁶ Архиеп. Сергей. Полный Месяцеслов Востока. Т. 2. Святой Восток. М., 1876, с. 3.

⁶⁷ Там же, с. 5.

⁶⁸ Б. Колчин, А. Хорошев, В. Янин. Цит. соч., с. 54. Обширный материал о почитании на Руси тезоименитых святых до сих пор ждет своего исследователя. Попутно хочется отметить, что общеринятое и распространенное поздравление именинников с «днем Ангела» в день празднования Церковью тезоименитого святого (!) является неверным по существу. Употребляя не то слово, мы тем самым подменяем и сами понятия. Между тем Церковь определила для прославления Небесных Сил в недельном круге пощедельник, а в годовом — Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных.

⁶⁹ ПСРЛ, т. 1, с. 53—54.

⁷⁰ Н. Тихонравов. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892, отд. 2, с. 34; Памятники литературы Древней Руси. XIV—середина XV века. М., 1981, с. 378, 379; см. также: Прот. А. Глушаков. Московский святитель Алексей, вся Россия чудотворец.— «ЖМП», 1981, № 5, с. 69.

⁷¹ ГИМ. Син. № 790. Великая Макарьевская Четья Мишея, XVI в., л. 953 об.; см. также: ПСРЛ, т. 21, ч. 2. СПб., 1913, с. 422.

⁷² ПСРЛ, т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.—Л., 1949, с. 323. В этом смысле становятся понятными слова блаж. Михаила Клопского, когда он, провидев рождение Иоанна III, «внезапу начат звонити в колоколы, и мнози люди спидошася. Он же уродствуя бяше и всем людем Великого Новаграда и самому пастырю их, великому архиепископу Еффилию, явственно вопия и глаголаше сице: «Днесь во преславном граде Москве у великаго князя Василия Васильевича родися сын, князь великий Тимофей, суще же имя ему Иван» (ПСРЛ, т. 21, ч. 2. СПб., 1913, с. 528). Некоторые события из жизни Василия III, сына Иоанна III, нашли отражение в росписи кремлевского Благовещенского собора, в частности, в изображениях святых, на дщи памяти которых пришлось начало его княжения, и т. д. (Г. Соколова. Роспись Благовещенского собора. Л., 1969, с. 5).

⁷³ Симон, архиеп. Рязанский и Касимовский. Святой благоверный князь Роман, Рязанский страстотерпец.— «ЖМП», 1979, № 12, с. 66.

⁷⁴ ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 3. Л., 1929, с. 542.

⁷⁵ В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи. Т. 2. М., 1963, с. 126—127, табл. 33.

⁷⁶ См.: № 62, с. 63; № 134, с. 73; № 144, с. 24; № 389, с. 90; № 417, с. 23; № 463, с. 59; № 496, с. 89; № 514, с. 110.

⁷⁷ Свящ. П. Флоренский. Из богословского наследия.— «Богословские труды», сб. 17. Изд. Московской Патриархии. М., 1977, с. 133.

⁷⁸ Л. В. Черепнин предполагает, впрочем, что в грамоте идет речь не о кресте, а о том, что перед святым крестом была произнесена клятва (Л. Черепнин. «Русская Правда» и новгородские берестяные грамоты.— «Вопросы истории», 1969, № 2, с. 64).

⁷⁹ Л. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник, с. 393. Об этом же говорят А. Арциховский и В. Борковский — издатели берестяных грамот. См. также: В. Янин. Я послал тебе бересту..., с. 196—197.

⁸⁰ Б. Сапунов. Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978, с. 153.